УДК 811.161’371

ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОЛОРАТИВА *БЕЛЫЙ* В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Розсоха В.А., к. филол. н., доцент

Луганский государственный педагогический университет имени Тараса Шевченко

Феноменально определяя действительность, колоративы теряют собственно цветовое значение и становятся идеологическими маркерами.

В статье рассматривается колоратив «белый» в этом аспекте, устанавливаются изменения его оценочной составляющей в толковых словарях советского и постсоветского общества.

Ключевые слова: колоратив, цветообозначение, белый, идеология, советское и постсоветское общество.

Розсоха В.О. ІДЕОЛОГІЧНЕ МАРКУВАННЯ ЗНАЧЕННЯ КОЛОРАТИВА *БІЛИЙ* У ТЛУМАЧНИХ СЛОВНИКАХ РАДЯНСЬКОГО ТА ПОСТРАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА / Луганський державний педагогічний університет імені Тараса Шевченка, Україна.

Феноменально визначаючи дійсність, колоративи втрачають власне значення кольору й стають ідеологічними маркерами.

У статті розглядається колоратив «білий» у цьому аспекті, встановлюються зміни його оцінної складової в тлумачних словниках радянського та пострадянського суспільства.

Ключові слова: колоратив, кольоронайменування, білий, ідеологія, радянське та пострадянське суспільство.

Rozsokha V.A. IDEOLOGICALLY MARKED MEANING OF THE COLORATIVE «*WHITE*» IN THE EXPLANATORY DICTIONARIES OF THE SOVIET AND POST-SOVIET SOCIETIES / Luhansk Taras Shevchenko State Pedagogical University, Ukraine.

Determining the reality in an unusual way, coloratives lose the proper color meaning and become ideological markers.

The article deals with the analysis of the colorative “*white*” and the changes of its evaluative component are established based on the explanations from the dictionaries of the Soviet and Post-Soviet societies.

Keywords: colorative, color marking, white, ideology, Soviet and Post-Soviet society.

> *Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества.*
>
> *Эдуард Сепир*

> *Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в повседневной оценке им тех или иных явлений.*
>
> *Бенджамен Л. Уорф*

Изучение цветообозначений имеет давнюю традицию и представлено сотнями публикаций. Среди причин, объясняющих неослабевающее внимание к этой группе слов, А.П. Василевич, исследовавший цветонаименования с позиций психолингвистики, называет, на наш взгляд, главную — «значимость цветового зрения для разных наук о человеке» [1, 3].

Действительно, человек воспринимает окружающий мир в цвете и во многом через цвет. Цветовые ассоциации и символы вошли в наше сознание, а колоративы, теряя собственно цветовое значение, стали приобретать социально и идеологически обусловленные характеристики.

В качестве социального маркера цвет используется достаточно давно, т.к. способен феноменально определять действительность, становиться реалией мировоззрения. Ср.: *желтый дом, желтый билет, белая ворона, голубая кровь, черная полоса (жизни)* и др.

Набор таких единиц в языке в основной массе исторически изменчив. В частности, рассматриваемый хронологический период отмечен широким употреблением следующих идеологизированных сочетаний: *белая гвардия, белый террор, белая эмиграция, белая идея, красная армия, красный офицер, красный*

день календаря, зеленый друг, коричневая чума, черный пиар, черный вторник, черная биржа, черная валюта, желтая пресса, желтая (белая, красная) сборка, партия зеленых и под. Вошедшие в этот ряд советизмы в настоящее время деактуализированы, в значении некоторых скорректированы прагматические характеристики, что можно расценить как реакцию на новые условия жизни общества, другие ценностные ориентиры, иную идеологию.

Полагая, что в рамках одной статьи достаточно сложно проанализировать все колоративы, содержащие в своей семантической структуре идеологически маркированные значения, рассмотрим в этом аспекте колоратив *белый*, для чего обратимся к основным толковым словарям, изданным в означенный названием статьи временной отрезок.

Важнейшим событием в становлении советской лексикографии был «Толковый словарь русского языка», вышедший под редакцией проф. Д.Н.Ушакова (1935-1940, т. I-IV; в дальнейшем — ТСУ). Созданный коллективом известных лингвистов (В.В. Виноградовым, Г.О. Винокуром, Б.А. Лариным, С.И. Ожеговым, Б.В. Томашевским), словарь прошел политическое редактирование (политическая редакция принадлежит Ф.Я. Кону, А.А. Болотникову и П.А. Казанскому). Неудивительно, что вступительная статья начинается с идеологической установки, сформулированной следующим образом: «История больших словарей показывает, что каждый из них является отражением классовых интересов своей эпохи. Изучая словари, можно видеть, *что* привносилось в накопленное ранее богатство, *что* и *как* в нем перерабатывалось новым, завоевавшим господство классом» [ТСУ, I, 4].

Логическое выделение акцентологическими средствами союзного слова *что* свидетельствует о его смысловой значимости, о несомненном наличии информации, присутствующей имплицитно: *Язык — опора господствующей власти, и данный словарь будет отражать идеологию нынешней власти. Следовательно, отбор языкового материала, его описание, будет нацелено на внедрение в массовое сознание нужных идеологем*. Известно, что «имплицитная информация… усваивается адресатами скорее на подсознательном уровне, и к тому же адресат не склонен подвергать ее оценке» [5, 550], то есть фактически язык словаря представляет собой манипулятивный дискурс.

Идеологическая установка словаря эксплицируется и через раздел «Пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта». Ср.: *загран*. — т.е. за границей, указывает, что слово обозначает предмет или явление, относящееся только к заграничной жизни, к общественно-бытовому обиходу западноевропейских государств; *дореволюц.* — указывает, что слово обозначает предмет или понятие, вытесненные послереволюционным бытом; *полит.* — без комментариев, что тоже прагматически значимо. Строгим разделением на *дореволюционное* и *послереволюционное, там* и *здесь, наше* и *чужое* очерчиваются пространственно-временные рамки картины мира, моделируемой новой властью в сознании носителей языка, формируются стереотипы восприятия, задаются параметры ценностно-прагматической ориентации в обществе.

В таком контексте и определено толкование актуального для послереволюционного периода в России идеологически обусловленного значения слова *белый:* **Белый**. 3. Контрреволюционный, белогвардейский (употр. со времен Великой французской революции, когда обозначало сторонников Бурбонов); *противоп.* красный. *Белый офицер. Белая гвардия* (см. гвардия) // в знач. сущ. преимущ. мн. **белые**. Белогвардейцы. *В плену у белых* [ТСУ, I, 121].

Толкование лексического значения включает когнитивный и прагматический компоненты, причем «когнитивное значение имен позволяет судить о самих денотатах, а прагматическое значение — о субъективном отношении к ним говорящих» [4, 20-21].

Когнитивная информация в данной словарной статье представлена синонимической парадигмой *белый — контрреволюционный — белогвардейский.* Архитектоника прагматической информации структурируется двумя пересекающимися модальными рамками: мелиоративной (*революция — Великая*) и пейоративной (лексема *Бурбоны* в русском языке имеет отрицательную коннотацию, которая в контексте дефиниции экстраполируется на лексему *белый,* причем отрицательная оценка усиливается посредством иллюстрации: *В плену у белых*).

Таким образом, антагонистическое, непримиримое противопоставление двух классов в послереволюционной модели мира на вербальном уровне закрепляется цветовой оппозицией *белый — красный,* которая становится одним из центральных фрагментов формирующейся языковой картины мира. Фразеологизмы *красная гвардия* и *белая гвардия* в толковом словаре Д.Н. Ушакова сопровождаются пометой *полит.*, что подчеркивает семантику оппозитивности.

Известно, что «большим когнитивным потенциалом обладает словосложение, так как эта словообразовательная модель позволяет представить множественность (разные денотативные пространства) как целостность…» [6, 183]. Поэтому целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть идеологизированные композиты с компонентом *бело-*.

В словарь Д.Н. Ушакова включены следующие композиты: *белогвардеец (нов.), белогвардейщина (нов., презр.), белоэмигрант (нов.),* в значениях которых хотя и продублирована когнитивная информация, зато углублена и детализирована прагматическая: к негативной оценке добавлена эмоциональная окраска — *неприятие, отвержение социумом.*

К 1948 году, моменту выхода «Словаря современного русского литературного языка» (1948 — 1965, т. 1-17; в дальнейшем — БАС-1), политический лозунг *Кто не с нами — тот против нас* включается в «панегирический» дискурс, репрезентирующий «тоталитарное языковое сознание», ставшее «специфическим конститутивным свойством советского человека, который именно поэтому был окрещен в недавнем прошлом *homo soveticus*» [2, 1]. Показательна в этом плане следующая фраза во вводной статье к словарю: «Наша социалистическая эпоха — не только величайшее политическое явление в жизни народов, но она величественна также невиданными в истории человечества обогащениями в области культуры, жизни, техники, искусства, а следовательно, и языка».

В толковании идеологически маркированного значения слова *белый* намечаются некоторые сдвиги, модифицирующие его прагматические рамки. Ср.: **Белый** 4. *Полит.* Действующий против Советской власти; контрреволюционный (противополагается красному — революционному). *Белый террор. Белая армия, гвардия. Белые войска. Белый фронт. Разгромив полчища белой армии и проучив всех и всяческих интервентов, рабочие и крестьяне принялись за мирное социалистическое строительство.* Киров, Ленингр. большевики, 358. *Федор ... обратился к колчаковским солдатам с коротким и горячим словом, рассказав, какую роль играет белое офицерство в борьбе трудящихся против своих врагов и как это белое офицерство надо изничтожить, раз оно открыто идет против советской власти.* Фурманов, Чапаев, XI. Белый в знач. *сущ.* (чаще белые, *мн.*) — *Как вы проникли через фронт? — Красные приняли нас хорошо и помогли добраться до Семидола. — А белые? — Белых мы обошли.* Федин, Города и годы. Конрад Штейн [БАС-1, I, 384].

Стилистические пометы к этому значению остаются прежними, но расширяется его синтагматика: *белый террор, белая армия, белые войска, белый фронт.*

На иллюстративном уровне доминирует мотив «торжества истин» победившего социалистического сознания, что наиболее ярко эксплицировано в следующих текстовых фрагментах: *«разгромив полчища белой армии и проучив всех и всяческих интервентов»; «белое офицерство надо изничтожить, раз оно открыто идет против советской власти»; «красные приняли нас хорошо ... А белые? — Белых мы обошли»*.

Подобным образом расставлены акценты и в Малом академическом словаре («Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, т.1-4; 1-е изд. 1957-1961; 2-е изд. 1981-1984; в дальнейшем — МАС). Поэтому нет необходимости останавливаться на его материалах подробно.

В «Словаре современного русского литературного языка» (1991-1994, т. 1-6; издание приостановлено; в дальнейшем — БАС-2), авторский коллектив которого стремится отразить изменения в лексическом составе, связанные с развитием общества и его социальными преобразованиями, словарная статья **Белый** несколько трансформируется: углубляется когнитивная информация и детализируется прагматическая, что обусловлено начавшимся процессом деактуализации советских реалий. Ср.:

Белый 5. *Только полн. ф.* Во время гражданской войны и военной интервенции 1918—1920 гг.— действующий против советской власти, направленный против нее; контрреволюционный. *На плечах убитого тускло поблескивали погоны. Это был белый офицер.* Бек, Жизнь Бережкова. *Двадцать четвертого декабря белые войска подошли к Перми.* Н. Вагнер, Багрян. солнце. ◊ Б е л а я гвардия. Контрреволюционные воинские формирования, действовавшие против советской власти в период гражданской войны и военной интервенции 1918— 1920 гг. *Белая гвардия Юденича подошла вплотную к городу.* Федин, Горький среди нас. ◊ Б е л а я эмиграция, б е л ы е эмигранты. То же, что белоэмигранты. *Связь* [заговорщиков] *с белой эмиграцией осуществлялась через иностранные консульства.* Никул. Мертв. зыбь. Б е л ы е, *в знач. сущ.* Белогвардейцы. — *Как вы проникли через фронт? — Красные приняли нас хорошо и помогли добраться до Семидола. — А белые? — Белых мы обошли.* Федин, Города и годы [БАС-2, I, 447].

Учитывая временной фактор, авторы словарной статьи считают целесообразным введение исторического комментария: *во время гражданской войны и военной интервенции 1918—1920 гг.— действующий против советской власти, направленный против нее; контрреволюционный*. Цветовая оппозиция *белый — красный* уходит на периферию дефиниции, хотя имплицитно она все еще обозначена (см. последнюю иллюстрацию). Почти полностью обновлен цитатный материал, а «как известно, — замечают авторы словаря, — примеры словоупотребления... содействуют лучшему осмыслению значения слова, убеждают читателя в правильности толкования и стилистической квалификации», поэтому вместо цитат, *«не отражающих современную идеологию и характер общественно-политической жизни*, включены цитаты из *новых* (курсив наш — В.Р.) партийных документов, а также речения, созданные на основе текстов периодической печати» [БАС-2, I, 17].

При сопоставлении иллюстративного материала в разных толковых словарях нельзя не заметить, хотя возможность случайного совпадения и некоторая степень субъективности не исключена, логическую последовательность в изменении выраженной имплицитно модальности иллюстративного материала. Ср.: «*В плену* у белых» (ТСУ) — т.е. ‘белая армия достаточно сильна и представляет серьезную опасность для новой власти’; «…белое офицерство *надо изничтожить*» [БАС-1] — т.е. ‘у новой власти есть достаточно сил для этого’; «На плечах *убитого* тускло поблескивали погоны. Это был белый офицер» [БАС-2] — ‘белая армия давно не представляет какой бы то ни было угрозы’.

Композитная парадигма в БАС-1 и БАС-2, по сравнению со словарем Д.Н. Ушакова, удлиняется за счет появления новых звеньев в словообразовательной цепочке. Ср.:

БАС-1: *белоэмигранский, белогвардейский, белоэмигрантщина;*

БАС-2: *белоэмигранский, белогвардейский, белоэмигрантщина, белопогонник.*

Причем, если исходные для словаря Д.Н. Ушакова композиты сопровождались такими пометами, как *новое* (*белогвардеец, белоэмигрант*) или *новое, презрительное* (*белогвардейщина*), то в БАС-1 пометой *новое* маркированы лишь слова *белогвардеец* и *белоэмигрант*, эмоциональная оценка *презрительное* у слова *белогвардейщина* в БАС-1 отсутствует. В БАС-2 практически весь композитный ряд не имеет стилистических характеристик. Исключение составляют слова *белогвардейщина* (*собир., разг., пренебр.*) и *белопогонник* (*разг*., «о том, кто служил в белой армии», *обычно с оттенком неодобрительности*). Здесь обращает внимание «утоньшение» их прагматических характеристик: помета *презрительное* (БАС-1) заменена пометой *пренебрежительное*, полностью покрывающей помету *презрительное* и содержащей в структуре значения дифференциальную сему ‘уверенность в своем превосходстве’.

Интересно также отметить разное графико-орфографическое оформление идеологемы «советская власть»: в БАС-2 прописная буква в слове *советская* заменена строчной.

Все эти языковые факты, на наш взгляд, свидетельствуют об укреплении тенденции неактуальности просоветской агитации к 1991 году.

Интерпретация колоратива *белый* и его производных в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1997, в дальнейшем ТСРЯ) подтверждает выявленную в ходе исследования тенденцию. Первый аргумент «за» находим в «Предисловии» Н.Ю. Шведовой к четвертому изданию ТСРЯ. По ее замечанию, «этот словарь полностью освобожден от тех навязывавшихся извне идеологических и политических характеристик и оценок именуемых понятий, которые в той или иной степени присутствовали в предыдущих изданиях… и от которых ни авторы, ни редактор не в силах были освободиться. Теперь все такие характеристики и оценки последовательно устранялись, так же как тенденциозно окрашенные примеры употребления и пометы, насильственно относившие некоторые слова к сфере устаревшей лексики. Вся масса слов, принадлежащих к идеологической и политической понятийным сферам, получила в новой книге адекватное собственно филологическое описание» [ТСРЯ, I, 4], т. е. задается установка на «адекватность информации». Ср.:

Белый. 3. полн. ф. В первые годы гражданской войны: относящийся к вооруженной борьбе за восстановление *законной власти* (курсив наш — В.Р.) в России. *Б. офицер.* 4. То же, что белогвардеец.

Белогвардеец. В годы гражданской войны: член белой гвардии — русских военных формирований, сражавшихся за восстановление законной власти в России.

Белоэмигрант. Название эмигранта из России в первые годы после революции (1917-1920 гг.) [ТСРЯ, I, 43].

Эксплицитно выраженный в данных толкованиях прагматический компонент: *белые — законная власть* полностью перечеркивает информацию, представленную в словарях советской эпохи. Вектор оценки не просто смещен, а приобретает противоположную направленность, т.е. все зависит от того, *как* то или иное понятие моделируется в сознании носителей языка, *что* дается со знаком плюс в тот или иной период культурно-исторического развития общества и *что* является доминантой в иерархии ценностей.

Таким образом, «на взлете второго тысячелетия», когда «потребитель информации — индивидуальный и совокупный — все чаще оказывается в парадоксальном информативном пространстве» [7, 143], обращение к словарю с целью получения объективной информации весьма проблематично.

Парадоксальность состоит в том, что «слово хранит «воспоминание» о всех прошлых контекстах, в которых оно участвовало, и несет на себе тень всех будущих контекстов, в которых оно может участвовать» [3, 7]. Иллюзорность истины разрушает сложившиеся цветовые стереотипы, негативная модальность значения ‘контрреволюционный’ у слова *белый* уходит на периферию общественного сознания вместе с уходом такой реалии, как «советская власть». Наглядным примером тому являются, на наш взгляд, материалы «Большого толкового словаря русского языка» (1998, в дальнейшем — БТС), где прагматический компонент сведен к минимуму. Ср.:

Белый 6. только полн. В первые годы Советской власти: действующий или направленный против Советской власти, контрреволюционный (противоп. красный; революционный). *Белая армия. Белая гвардия. Белый террор.*

Белогвардеец. Тот, кто сражался против Советской власти в рядах белой гвардии. *Белогвардейский заговор, мятеж. Белогвардейская конница.*

Белоэмигрант. Человек, эмигрировавший из России в первые годы Советской власти (враждебно настроенный по отношению к ней); белый эмигрант. *Волна белоэмигрантов. Белоэмигрантский. Белоэмигранская организация. Белоэмигранский журнал. Белоэмигрантка. Разг.*

Белопогонник. *Неодобр.* О том, кто служил в белой армии [БТСР, 70].

Авторы словаря учитывают, что адресат, обращаясь к словарю, надеется получить объективную информацию, кроме того, часть предлагаемой информации ему уже известна, тем более, что словарь базируется на материалах картотеки, общей для Малого (МАС) и Большого (БАС) академических словарей.

Однако как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях в структуре толкования подчеркивается неактуальность для современности толкуемых понятий, что как бы «снимает» оценочность.

Сложившуюся ситуацию фиксирует «Русский ассоциативный словарь», где колоратив *белый* в качестве реакции-ответа на предъявленные слова-стимулы использован, как правило, в своем цветовом значении и ассоциируется со следующими реалиями: *бумага, стена, мука, книга, снег, мел, голубь, лебедь, потолок, мрамор, лицо, мыло, зубы* и т.п. В связи со стимулом *армия* слово *белый* употреблено одним респондентом, а со стимулами *офицер* и *флаг* — двумя.

Из цветовой гаммы идеологического пространства современной картины мира *белый* цвет не исчезает, о чем свидетельствуют такие социально и идеологически маркированные сочетания, как *Белое братство, Белая ведьма, Белая магия, Белый дом, беловоротничковая преступность,* вошедшие в «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения», изданный под редакцией Г.Н. Скляревской (1998).

Обращение к толковым словарям позволило не только обнаружить истоки идеологической обусловленности одного из значений колоратива *белый* (от названия цвета знамени сторонников короля во времена французской революции), но и проследить динамику изменения оценочной составляющей этого значения в советском и постсоветском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (На материале цветообозначений в языках разных систем). — М., 1987.
2. Ворожбитова А.А., Рыльцова О.Ф. Документы русского терроризма: лингвориторические истоки тоталитарного языкового сознания // Языковая структура и социальная среда. Межвуз. сб. научн. тр. студ. — Воронеж, 2000 (www.narod.ru/WebStud1/SbornikSt1-1.htm).
3. Морковкин В.В. Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. — М., 1984.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. — М., 1988.
5. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докл. междунар. научн. конфер. (Москва, 4-7 апреля 2001 г.) / Российская академия наук. Ин-т. рус. яз. им. В.В. Виноградова; Ред.-сост.: В.П. Григорьев, М.А. Фатеева. — М., 2001. — С. 543-553.
6. Синельникова Л.Н. Языковые изменения конца XX века // Язык: история и современность. — Луганск, 1999.
7. Факторович А.Л. Информация о Чечне: новый миллениум и старые парадоксы // Журналистика на рубеже тысячелетий. Материалы Международной научной конференции. — Ростов н/Д., 2000. — С. 143-144.

СЛОВАРИ-ИСТОЧНИКИ И ИХ УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М.- Л., 1950 — 1965. — Т. 1.

БАС-2 — Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. — М., 1991. — Т. 1.

БТСР — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред С.А. Кузнецов. — Спб., 1998.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., доп. — М., 1981-1984.

Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 1. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. — М., 1994.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. — СПб., 1998.

ТСРЯ — Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М., 1997.

ТСУ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. проф. Д.Ушакова. — М., 1996.